

Ответы на вопросы журнала о совместности

В прошлом выпуске «Койнона» (№ 1–2 за 2020 год) были опубликованы вопросы о состоянии совместности людей в современном мире, месте этой проблемы в социогуманитарных науках наших дней и ответы представителей разных наук. В этом номере мы публикуем мнение по этим вопросам двух членов редколлегии «Койнона».

Корреспондент «Койнона» Лев Закс взял интервью у одного из крупнейших российских психологов, академика Российской академии образования Александра Асмолова.

А. Г. Асмолов

Московский государственный университет
Москва, Россия

A. G. Asmolov

Moscow State University
Moscow, Russia

Л. А. Закс: Мы взяли в качестве названия и главной темы нашего журнала совместность человеческого существования. Закономерность и парадокс, или парадоксальная закономерность, человеческого существования заключаются в том, что, с одной стороны, совместность, или социальность, — это условие, основа, становой хребет, базовая потребность человеческого существования, а с другой — в каждую историческую эпоху, включая нашу, совместность — проблема, трудный вызов и задача, решение которой требует больших усилий людей. Ответы на вопросы журнала о совместности показывают, что представители разных социогуманитарных наук по-разному видят истоки-причины проблематичности совместности человеческого существования. Первый вопрос — в чем наука психология и Вы лично как психолог видите причины извечной и, кажется, неустранимой проблематичности, или трудности достижения, столь желанной совместности?

А. Г. Асмолов: Вечные вопросы потому так и называются, что содержат огромное поле смыслов. И каждый, кто рискнет сказать: «Я понял причины, почему люди живут сообща», вызовет удивление. Один из каверзных вопросов – почему совместное существование дается с таким трудом?

Несмотря на темп обусловленных культурой преобразований, у людей есть базовые потребности, которые цивилизация практически не изменила. К ним относятся две потребности, *одинаково непреодолимые, но противоположно направленные*, т. е., казалось бы, несовместимые — тяготение к жизни в сообществе и одновременно стремление сохранить собственную уникальность. Одно с другим уживается не просто.

Парадокс сосуществования этих противоречивых потребностей тем более интригующий, что обе они вырастают из единого источника. Этим источником являются индивидуальные различия, которые закономерно увеличиваются в ходе развития живой материи. Почему это так? Значение индивидуального разнообразия было определено теоремой великого математика, генетика и эволюциониста Рональда Фишера. Упрощенно она может быть переформулирована следующим образом: увеличение разнообразия индивидов повышает их общую приспособленность. Ту же мысль, но в заостренной форме выразил великий Гёте в беседах со своим секретарем: «...великий закон, проходящий через всю жизнь, более того — являющийся основой всей жизни и всех ее радостей — закон затребованного разнообразия...» Иначе говоря, *мы существуем, пока мы неодинаковы.*

Самоценность индивидуальной уникальности требует механизма ее защиты. Таким механизмом является установка на сохранение собственного «Я». Эта установка особенно сильна у человека, поскольку разнообразие людей определяется не только разнообразием их поведения и физических возможностей, но и разнообразием сложных внутренних миров, не имеющих аналогов в животном царстве. В потребности уберечь свое приватное пространство и не утратить внутреннее достоинство проявляется потребность, препятствующая разрушению «Я».

Наряду с охраной собственного «Я», потребность жить в сообществе также может рассматриваться как неизбежный результат индивидуальной неповторимости. Почему неидентичные индивиды кооперируются? Это предопределено тем, что любой из них, будучи уникален, неминуемо имеет как сильные, так и слабые стороны, а значит, превосходя Других по одним свойствам, неизбежно отстает по иным характеристикам. Ограниченность индивидуальных возможностей делает выгодной кооперацию: дополняя друг друга, мы можем достичь того, что недоступно каждому поодиночке. В такой кооперации неизбежны противоречия, поскольку возможности и интересы нетождественных индивидов никогда не совпадают полностью. Разрешение этих противоречий требует компромиссов. Однако реализация компромиссов возможна только

тогда, когда обоюдно признается, что каждый изначально (в силу непреложного закона) уникален и *вправе иметь собственные представления, но считаясь при этом с представлениями другого*. Такой компромисс укладывается в формулу: «свобода одного кончается там, где начинается свобода другого». Это признается далеко не всеми.

Для меня вопрос о совместности на основе разнообразия индивидуальностей один из значимых. По этому поводу мы с моими коллегами написали статью, которая называется «Родословная жизни сообща» (Вопросы психологии. 2018. № 4). В ней мы показываем, в чем состоит эволюционный смысл порождения совместности и как она преобразуется при восхождении к сложным социальным отношениям людей. Совместность или, как более грамотно говорит целый ряд современных аналитиков, «жизнь сообща» являлась одним из мощнейших драйверов перехода от простоты к сложности. Один из классиков биопсихологии В. А. Вагнер еще на заре XX в. показал, как меняется образ жизни сообща в ходе эволюции. Он раскрыл зависимость, согласно которой критерием эволюционного прогресса сообщества является степень разнообразия членов этого сообщества. Своего рода биогенетический закон совместности В. А. Вагнера проявляется в том, что на уровне простейших живых существ отклонение от видотипичных программ поведения минимально. Но чем выше мы поднимаемся по эволюционной лестнице развития сообществ, тем больше в них проявляется вариативность индивидуальности. У рыб она намного выше; при восхождении через птиц к млекопитающим и приматам нарастает отклонение от типовых программ поведения рефлексивного и инстинктивно-подобного типа за счет увеличения количество программ, готовых к встрече с неопределенностью. И, конечно, когда развитие доходит до приматов, а потом и до человека, выигрыш совместности, как ни парадоксально, возникает в связи с наибольшим простором для непредсказуемого проявления индивидуальных различий. Замечательная формула Сенеки «Не согласись со мной хоть в чем-нибудь, чтобы нас было двое» подчеркивает важность совместности как историко-эволюционного условия нарастания опережающего современность индивидуального потенциала. Такова эволюционная логика, которая приводит сегодня к уникальному парадоксу персонализации. Массовый запрос на персонализацию в современном мире, массовый запрос на индивидуальность, буквально резонансно отвечающий на книгу П. Тейяра де Шардена «Феномен человека», сегодня особенно очевиден. Наше время называют «Эпоха персонализации» и «Эпоха антропоцена». Но мне ближе всего название В. И. Вернадского — «Психозойская эра», потому что в буквальном смысле нарастает роль разума каждого, и нормой является принятие индивидуальных решений, условием успешности которых, однако, является жизнь сообща, как об этом писали замечательные французские аналитики Л. Тевено и Л. Болтански.

Л. А. Закс: И все же мой вопрос был прежде всего о том, что совместность достаточно непростое явление. Проще говоря, без нее невозможно жить, но и с ней не всегда получается. В чем причина этого, на Ваш взгляд?

А. Г. Асмолов: Трудность, связанная с амбивалентностью совместного существования (уникальное «Я» в сообществе с «Другими») — это константа, характеризующая любой социум, даже стагнирующий, который допускает разнообразие, но только в определенных пределах. Эта трудность многократно увеличивается, если общество претендует на развитие, поскольку в этом случае оно должно принимать и личностей, резко отклоняющихся от общепринятой нормы. Дело в том, что в разных ситуациях, особенно в ситуации потери стабильности и нарастания кризиса, срабатывает моя любимая формула, которая говорит именно о колоссальном труде поиска новаторских индивидуальных стратегий в совместной жизни. И эта стратегия отвечает формуле, что трудность преадаптации индивида есть расплата за благополучие вида. Каждый раз, когда мы с вами исходим из логики индивидуальных действий, каждый раз, когда мы работаем, как Чаадаевы или Дон Кихоты, мы сталкиваемся с тем, что любые наши действия, которые не укладываются в логику социальных типовых программ, вызывают отторжение, хотя именно эти действия могут привести социум к успеху. Поэтому польза от тех, кто в социуме прокладывают свой путь, или, по К. Юнгу, отыскивают необщие пути развития, велика. Неслучайно любое время кризиса иногда называется временем героев, которые до кризиса были не услышаны, а потом вдруг оказывается, что их голоса звучат, несмотря на то что прежде культура их отторгала. Ряд замечательных аналитиков (в частности, математик Ю. И. Манин в своей работе, посвященной трикстеру, и известный филолог и философ В. Н. Топоров в своих исследованиях русской духовной культуры) говорят, что в дилемме «пан или пропал» коллектив всегда выбирает установку «статус-кво» — на сохранение, на гомеостаз, на устойчивость. Трикстер же выбирает не общие пути поведения, он выбирает «пропал», он выбирает опасное поведение и тем самым рискует. Но этот риск, т. е. готовность индивида к изменениям, это в буквальном смысле жизненная цена за адаптацию социума в целом.

Л. А. Закс: В последние годы Вы много размышляли о вызовах неопределенности, сложности и разнообразия как черт современной реальности. Видите ли Вы эти феномены и их влияние в пространстве социальности как таковой? Если да, то в чем они и их влияние сказываются на характере совместности?

А. Г. Асмолов: Мир действительно сложен и непредсказуем. Еще Козьма Прутков знал и изумлялся: «Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом. Почему? Какая связь?» Если говорить серьезно, то неопределенность,

сложность и разнообразие — это данность, которая характеризует социальные отношения в первую очередь. Продуктивные коммуникации требуют доверия и понимания, неоднозначность которого во многом определяется разными возможностями и установками взаимодействующих личностей и зависит от их чувствительности к постоянно и часто непредсказуемо меняющемуся контексту. Человечество в ответ на объективный рост неопределенности, сложности и разнообразия всё более дифференцируется на людей, готовых принимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности. Поэтому цивилизованность социальных взаимодействий может трактоваться как освоение сообществом сложности и неопределенности, а архаика — как тенденция социальных систем к избеганию неопределенности и к жизни в упрощенном мире. Со всей очевидностью это проявилось в ситуации пандемии.

Пандемия стала проверкой человечества на то, что я называю планетарной идентичностью. Она обострила вызовы, прежде всего сложности, а также неопределенности и разнообразия, которые увеличили цену ответной реакции социальных систем. Мы оказались в условиях, когда действия на основе стереотипов прошлого опыта приводят к нарастанию рисков именно социальных субъектов поведения. А в ситуации, когда усиливаются вызовы неопределенности, особенно важной становится готовность к изменениям, к игре разных стратегий. Кто выигрывает в этих играх? Те, кто делает ставку на разнообразие, на расширение поля возможностей. Когда мы видим, как встретила вызовы пандемии и рост неопределенности, например, Ангела Меркель или премьер-министр Канады, то отмечаем, что здесь на первый план вышла программа, которую я мог бы условно назвать «Забота о каждом». Она была персонально ориентирована, и поэтому любые меры, которые принимались в ситуации пандемии и инфодемии, рассматривались не как «жесткие/нежесткие», а как «понимаемые/непонимаемые». Это важно потому, что действия тогда перестают быть пугающими и вызывающими фобии, когда они понимаемы и ясна мотивация, ради которой они совершены. Отвечая на ваш вопрос, еще раз хочу подчеркнуть, что если в ситуации вызовов разнообразия и сложности, с которой мы сегодня в буквальном смысле слова столкнулись, бежать от сложности и вставать в «страусиную» позицию, то расплата откладывается, но наступает неминуемо. Пряча «голову в песок», лидеры многих государств говорили достаточно долго — с декабря 2019 года почти до весны 2020-го — по логике известного героя: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». В результате мы увидели, насколько запоздалой и панической была реакция властей. Последствием игнорирования вызовов сложностей разнообразия являются три великие потери, о которых я все время говорю: потеря доверия, потеря понимания и утрата смысла. Мы расплачиваемся за неприятие оптимальной стратегии поведения в мире сложности, неопределенности и разнообразия тем, что становимся заложниками трендов социальных систем.

Мы «трендим», т. е. опираемся на прошлый опыт и не используем новых возможностей. Поэтому еще раз говорю: персонализированные стили общения в социуме, как ни парадоксально, — и это, в известной мере, смысловая нить к первому блоку нашего обсуждения – оказываются для социального мира выигрышными стратегиями в отличие от стратегий безликих, тоталитарных и движущихся к полному изоляционизму систем.

Л. А. Закс: В свое время Ваш учитель А. Н. Леонтьев говорил, что мы часто выигрываем в значениях и проигрываем в личностных смыслах. Вам не кажется, что в нашей ситуации мы часто проигрываем уже и в значениях тоже, может быть именно потому, что мы теряем смысл? То есть начинается обратное воздействие.

А. Г. Асмолов: Вы подняли вопрос о соотношении двух видов диссонанса — ценностного диссонанса и когнитивного диссонанса. Практически, благодаря работам Л. Фестингера о когнитивном диссонансе, эта проблематика вошла в плоть и кровь многих аналитических исследований. Вместе с тем не учитывается именно то, о чем был поставлен вопрос: когнитивный диссонанс часто оказывается производным от ценностного диссонанса. Приведу следующий пример. В одной из сект США было провозглашено, что 25 октября 2018 года наступит конец света. Этого, как ты понимаешь, не произошло. Тогда сектанты быстро изменили свою когнитивную стратегию и перенесли катастрофу на 2030 год. Иными словами, при столкновении личного смысла со значениями, как правило, игра идет не в сторону аргументации, не в сторону холодной риторики и рассуждений, а именно в сторону прогретых мотиваций личности каждого человека, т. е. личностных смыслов. Я всегда напоминаю, что для утопающего соломинка имеет личностный смысл спасения жизни, но в значении она остается соломинкой. Поэтому мы действительно оказываемся сегодня заложниками того, что, когда на нас обрушиваются потоки равнодушных значений, они проходят мимо души и не меняют смысловых установок личности, но вместе с тем происходит и дискредитация самих значений, происходит трансформация семантических полей, и она происходит самым странным образом. Если раньше, по психосемантическим исследованиям, слова «либерал», «демократ», «гомосексуалист», «еврей» были в разных семантических полях, то сегодня они начинают буквально накладываться друг на друга. Это пример того, что ценностно-мотивационные конфликты приводят к трансформации собственно семантических, «значенческих» полей. Происходит, как говорят лингвисты, агглютинация, слияние тех значений, которые ранее не сливались, и тогда появляется новый смысл. Например, когда мы забываем, слыша слова «мойдодыр» или «айболит», что это вовсе не отдельные герои, когда мы забываем, что, когда в стране Винни-Пуха благодаря ошибке

Кристофера Робина, написавшего на двери в одно слово с большой буквы «Щасвирнус», в его стране начало все делаться магическим Щасвирнусом. То есть со значениями происходят своего рода мутации, в том числе за счет агглютинации, которую мы сейчас обсуждаем. Великолепная история смены значений, когда мы говорим одно, а подразумеваем другое, всегда интересна для аналитики. Пример Л. С. Выготского «пойди же попляши». По значению означает одно, а по личностному смыслу — веселись и погибни. Или совсем простой пример, когда говорим «партия», а подразумеваем «Ленин», и так без конца. За этим стоит трансформация значений, прежде всего под влиянием личностных смыслов, что переводится на английский *personal meaning* или *personal sense*, в зависимости от того, с представителем какой научной школы на Западе ты общаешься.

Л. А. Закс: В чем Вы видите специфику совместности, присущую современной России? Каковы, на Ваш взгляд, сильные и слабые стороны этой специфики?

А. Г. Асмолов: Александр Галич замечательно сказал: «Никого еще опыт не спасал от беды». Когда я думаю об этой фразе и происходящих сегодня событиях в нашей стране, то первая оптимистическая иллюзия состоит в том, что в ситуации пандемии как в России, так и во всем мире на первый план выйдут кооперация, взаимопомощь и логика совместных действий. И действительно, мы видим, что Россия во время кризиса по разным причинам (не буду анализировать мотивы) пыталась и пытается использовать стратегию диалога с другими странами. Общение и договоренности между Путиным и Меркель по поводу совместной разработки вакцины исследователями России и Германии обращают меня к логике философа Федорова — логике общего дела. Тогда казалось, что эта логика «подогреет» продуктивные взаимодействия. Вместе с тем очень часто собственные ошибки политической системы приводят не к совместности, не к поляне поиска общих мотивов и личностных смыслов, а к дезинтеграции разных социальных групп населения. Вся ситуация с «навальнизацией» сознания, созданная, с моей точки зрения, пропагандистской машиной, привела к тому, что в России различные социальные группы еще больше начинают разлетаться в стороны друг от друга. Поэтому можно сказать, что необходимость и опыт совместности мы переживаем достаточно тяжело. Я думаю об этом и всегда вспоминаю фразу замечательного психолога Гордона Олпорта: «Куда легче человечеству будет расщепить атом, чем преодолеть собственные предрассудки». В этом смысле в сложном мире бомбой под совместность является огромное количество предрассудков и интересов различных групп, которые очень часто торпедируют возможности совместной работы по банальной иерархической

логике и продолжают игры в «царя горы». Только сегодня в ситуации неопределенности «царей горы» очень много, и число желающих покататься на этих горках и сбросить остальных, пользуясь ситуацией хаоса и беспредела, все возрастает.

Л. А. Закс: Главное «узкое» направление Вашей исследовательской работы — психология личности. В какой мере в Вашей работе теоретически и методологически значим концепт совместности?

А. Г. Асмолов: Я всегда повторяю простой каламбур: ваш вопрос столь хорош, что его не хочется портить ответом. В данной ситуации скажу, что в основе психологии личности лежат историко-эволюционный и деятельностный подходы, восходящие к работам Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. Эта методология, прежде всего, наводит на мысль, что *любые индивидуальные проявления человека возникают именно благодаря образу жизни сообщества*. Поэтому для меня психология личности — это вершина психологии совместности. Они немислимы одна без другой. Если бы не было психологии совместности, исторической психологии, социальной психологии, психологии больших и малых социальных групп, то мы не смогли бы перейти к пониманию роли индивидуальности в истории культуры. Моя любимая формула, которая достаточно известна: «индивидом рождаются — личностью становятся — индивидуальность отстаивают». Индивид выступает как носитель индивидуальнотипической совместной программы, и в движении каждого из нас слышится вой тех динозавров, что когда-то бродили по этой планете. Никто не отменял биогенетический закон Геккеля, согласно которому мы воспроизводим разные этапы эволюции, так же как закон рекапитуляции Стэнли Холла, утверждает, что человечество в «жизни сообщества» проживает разные исторические стадии развития. Здесь, конечно, нет линейной логики, но присутствует эволюционный смысл поэтапного развития культуругенеза и историогенеза. Поэтому психология личности ни в коей мере не может работать без социальной психологии, исторической психологии, но одновременно — делаю особый акцент, именно близкий мне — без эволюционной биологии, биопсихологии и социобиологии. Следовательно, ни один феномен личности, ни один вопрос о смысле возникновения личности в персоногенезе, в биогенезе и социогенезе не может быть понят, если мы не рассматриваем его через призму эволюции. Поэтому я говорю: личность в процессе социализации как раз осваивает типовые программы развития социума. Но если бы она усваивала только социализацию, мы жили бы в Дне сурка. И все бы повторялось, и были бы мы вечными рабами тех или иных традиций. Но что такое традиция? Это вчерашняя инновация. И в этом плане инноваторами являются индивидуальности, которые в ситуациях вызовов неопределенности, сложности, разнообразия свою

индивидуальность отстаивают, т. е. принимают самые необычные решения и ведут себя странным, с традиционной точки зрения, образом. Применительно к психологии развития ребенка это проступает следующим образом: мы радуемся, когда дети с нами совместны — они на нас похожи, они нам подобны, и поэтому мы с ними совместны тоже. Но когда наш ребенок выбирает свой путь, он становится бесподобным, и мы восклицаем: «Ах, какой бесподобный ребенок вырос из нашей совместности!» Психология подобности, или психология совместности, складывается в буквальном смысле в сложных и часто конфликтных отношениях, но является эволюционной необходимостью рождения психологии индивидуальности, отстаивающей в этом мире свое Я.

Л. А. Зак: Огромнейшее спасибо!

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Асмолов Александр Григорьевич
академик Российской академии
образования, доктор психологических
наук, профессор
Московский государственный
университет
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1
E-mail: agas@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2319-398X

Information about the author

Asmolov, Aleksandr Grigor'evich
Academician of the Russian Academy
of Education, D. Sci. (Psychology), Professor
Moscow State University
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991
Russia
E-mail: agas@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2319-398X